

С.И. Машинский

Чичиков и чичиковщина в «Мертвых душах» (Из книги «Художественный мир Гоголя»)

<...> Ведет сюжет «Мертвых душ» Чичиков. Он связывает воедино разнообразные события и человеческие судьбы.

Павел Иванович Чичиков по своей социальной природе отличается от круга помещиков. Это человек новой, буржуазной формации — «приобретатель», хищник. Очень важно было осмыслить его характер, его внутренний мир, историческое место подобных людей в современной жизни.

Но не так легко понять этот характер. Трудно схватить даже внешний его облик. Портрет Чичикова кажется на первый взгляд несколько аморфным. И это ощущение Гоголь подчеркивает с первого же момента появления героя. «Не красавец, но и не дурной наружности», «ни слишком толст, ни слишком тонок», «нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы слишком молод», «человек средних лет», «чин не слишком большой и не слишком малый». Таков он — главный герой «Мертвых душ». Во всем умеренность и середина, безличность, начисто исключаящая подлинно человеческие страсти и движение души и оставляющая простор для служения «копейке». В этом же плане дана и биография Чичикова.

Чичиков — единственный персонаж, история жизни которого раскрыта во всех деталях, всесторонне художественно исследована. Чтобы понять Чичикова как общественно-психологический тип, надо было осмыслить тайну его происхождения и постигнуть те жизненные условия, под влиянием которых формировался его характер. Вот почему самый способ изображения Чичикова, по верному наблюдению современного исследователя, «во многом отличается от того пути, по которому шел Гоголь, рисуя других персонажей «Мертвых душ». Манилов и Собакевич, Коробочка и Ноздрев раскрыты Гоголем статично, как характеры, олицетворяющие уклад жизни, вполне устоявшийся, неподвижный, рутинный. Статичность характера вполне соответствовала застойности быта и всего образа жизни этих людей. Чичиков, выражавший явление новое, еще только зреющее, должен был быть изображен по-другому, иным способом. Характер его показан в динамике, в непрерывном развитии, в столкновении с различными препятствиями, постоянно возникающими на его пути.

Историческая новизна Чичикова естественно требовала от Гоголя художественного анализа причин появления такого рода характеров. Знакомя нас во втором томе «Мертвых душ» с Тентетниковым и пытаясь разгадать этот тип, писатель ставит вопрос: «Родятся ли уже такие характеры или потом образуются, как порождение печальных обстоятельств, сурово останавливающих человека? Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства». «История воспитания» помогает Гоголю выявить многообразные условия — общественной среды, семьи, — под влиянием которых формируется характер человека.

Но что же за человек Чичиков? Входит ли он в общую картину Руси «с одного боку» или как-то выпадает из нее? Казалось бы, круг помещиков уже представлен, круг чиновников обрисован. Чичиков отчасти чиновник и отчасти помещик (правда, помещик «херсонский», но все-таки дворянин), должен был бы оказаться где-то в этих кругах, стать в общий ряд с другими героями, выделяясь, может быть, степенью своей пошлости. Но Гоголь поступает иначе: он отделил его от этого помещичье-чиновничьего мира, хотя и присоединил к Руси «с одного боку». Писатель чувствовал, что перед ним явление новое и в своей новизне неясное, не исчерпавшее своих возможностей, как помещики исчерпа-

лись в Плюшкине, а чиновники — в прокуроре. Напротив, все возможности нового явления еще только начинают разворачиваться.

Итак, перед нами проходит вся жизнь героя. Писателю важно было показать этот характер и в его истоках — социальных и психологических, и в процессе его последующей эволюции.

В старых теориях словесности бытовало понятие «сквозного» героя. Таким героем является Чичиков. Мы знакомимся с ним уже на первой странице «Мертвых душ» и ни на одну минуту не выпускаем его из поля зрения до конца книги. Но драматургия этого образа необычна. Лишь в последней, одиннадцатой главе автор знакомит нас с биографией героя. Такое необычное построение книги имело свои основания. Сама по себе необычность дела, которым занимается Чичиков, побуждала автора до поры до времени не раскрывать тайну его происхождения.

Избранная Гоголем композиционная структура толкала его к тому, чтобы вывести биографию Чичикова за рамки сюжета, ибо прошлое героя с сюжетом произведения формально не связано. Поэма, если говорить о ее сюжетных границах, кончается, в сущности, в десятой главе решением Чичикова бежать из губернского города.

Биография героя включена в повествование как вставная новелла. Таких новелл в «Мертвых душах» много. «Повесть о капитане Копейкине», притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, рассказы о правителе канцелярии Иване Петровиче, о дяде Митяе и дяде Миняе и т. д. Эти эпизоды — вне сюжета книги, но каждый из них играет в ней весьма существенную роль. Все вместе они создают то ощущение полноты и естественности течения жизни, передать которое стремился Гоголь.

Гоголь отмечает «темное и скромное происхождение» своего героя. Отец его — из каких-то захудалых дворян. Тусклое, грустное детство, протекавшее в «маленькой горенке с маленькими окнами», которые не отворялись ни зимой, ни летом. В той же горенке он проходил свои первые университеты под руководством отца, сурово обучавшего его грамоте да разным прописям нравственности.

Обстоятельства жизни рано воспитали в Чичикове тайное стремление выбиться в люди. И для этого он не щадит сил и не гнушается никакими средствами. Судьба наделила его неслыханной энергией и упорством. Закончив училище с похвальной грамотой да унаследовав от умершего в то время отца нехитрый скарб, пустился Чичиков в самостоятельное плавание по жизни. И здесь-то во всю ширь развернулась его натура.

Начал он с малого. Служба в казенной палате давала пустяковое жалованье. Стиснув зубы, Чичиков жарко взялся за дело. Прекрасна новелла о старом понытчике с непроницаемым, черство-мраморным лицом, с характером бесчувственным и неприступным. Павлу Ивановичу удалось растопить сердце этого человека, а затем и жестоко обмануть его. Это было первое серьезное испытание в судьбе молодого Чичикова. Он переступил через трудный нравственный порог и убедился в том, что успех в жизни может быть достигнут тем скорее и легче, чем свободнее человек от сковывающих его принципов морали, чести, порядочности. Павел Иванович никогда не ощущал на себе власть этих принципов. Но теперь он окончательно убедился в том, что они мешают и вредят тем, кто твердо решил отвоевать место под солнцем. И кто знает, как далеко в этом направлении развернулась бы деятельность нашего героя, если бы неожиданно не был смещен прежний начальник-тюфяк и на его место не посадили нового, из военных, начавшего решительную войну против взяточников и всяческой неправды. И хотя новый начальник пошел вскоре по пути всех предшествующих начальников, однако же Чичикова он почему-то люто невзлюбил. И пришлось ему искать новое место.

Но здесь — интересная деталь. В манере гоголевского письма была особенность: о важном и значительном писатель нередко сообщал так, как если бы речь шла о совершенных пустяках.

Вместе с тем Гоголь видел в малом большое. Он умел так показать какую-нибудь ничтожную житейскую мелочь, чтобы сквозь нее проглядывала мысль о судьбах человечества. С этой особенностью поэтики Гоголя мы встречаемся не только в «Мертвых душах». Обратим внимание: новый начальник комиссии вспугнул всю компанию лихоимцев, вспугнул «всех до одного». Прибыл честный человек, и, казалось, не будет теперь пощады ни одному прохвосту. Но прошло мало времени, и «генерал скоро очутился в руках еще больших мошенников». Это сказано вскользь, как бы мимоходом. Но мы чувствуем здесь отсвет глубокой мысли писателя. Искоренение общественных зол вовсе не зависит от злой или доброй воли начальников. При определенных условиях даже самые праведные начальники становятся орудием неправды.

Судьба Чичикова — трудная, и не лишена она по-своему драматизма. Сколько энергии и усилий было затрачено им — и все впустую! Жизнь приходилось начинать сызнова. И так всякий раз — взлеты и крушения неотвратно сменяли друг друга. После катастрофы в комиссии Чичиков решил «снова начать карьеру». Переехал он в новый город, сменил несколько должностей, показавшихся ему какими-то грязными и низменными. А ведь Павел Иванович был «самый благопристойный человек, который когда-либо существовал в свете». Рассуждение о благопристойности Чичикова, конечно, ирония. Но гоголевская сатира очень своеобразна. В ней нет того негодующего сарказма, которыми разила своих противников, скажем, сатира Щедрина. Гоголевский «смех сквозь слезы» имел иную идейную и художественную природу.

«Громада бедствий», всякий раз обрушивающаяся на голову Чичикова, по-видимому, должна была усмирить и остудить его навсегда. Но не такой был нрав у Павла Ивановича. Каждое новое постигавшее его испытание было страшнее предшествующего. Вместе с тем закалялось его сердце, твердела его воля, и не мог он заставить себя отказать от новых попыток испытать фортуна. Его раздумья отдавали порой горечью и обидой: почему же бедам подвержен именно он? «Кто же зевает теперь на должности? все приобретают». И снова вторгается иронический голос автора, замечающего, что в рассуждениях Чичикова «видна некоторая сторона справедливости».

Приобретательство — знамение времени. И образ Чичикова нес в себе заряд громадной обличительной силы.

О Гоголе нередко писали, что искусство психологического анализа не было самой сильной стороной его дарования. Думается, что если бы он ничего не создал, кроме образа Чичикова, то и этого было бы достаточно, чтобы признать в нем тончайшего мастера-психолога, способного проникать в самые сокровенные тайники человеческой души. Гоголь имел право сказать о себе: «Из всего того, что мною написано, несмотря на все несовершенство написанного, можно, однако же, видеть, что автор знает, что такое люди, и умеет слышать, что такое душа человека...» Образ Чичикова выписан с той мерой психологической достоверности и с тем точным ощущением жизненной правды, которые на десятки лет предвосхитили раскрытие сущности этого нового тогда явления. Еще в пятидесятых-шестидесятых годах XIX века выставлялись всерьез образцы честного приобретательства и предпринимательства, писалось о «честной чичиковщине». Гоголь в 1841 году смотрел на своего героя куда более трезво и пронизательно. <...>

Все, что до сих пор происходило с Павлом Ивановичем Чичиковым, — это еще только, так сказать, предыстория характера. Но она исследована с таким искусством и с такой пронизательностью, что все последующее в судьбе героя воспринимается читателем как нечто абсолютно закономерное и естественное в развитии характера. Прошлое Чичикова исчерпывающе объясняет его настоящее.

Отчаявшись сделать служебную карьеру, Чичиков решил коренным образом изменить свою жизнь. Он задумал стать помещиком. Вот тут-то мы и подходим к главной фазе чичиковской биографии. В эпопею с «мертвыми душами» наиболее ярко раскрылась дьявольская энергия и изобретательность Чичикова, его характер дельца и приобретателя

новой формации. Чины, замечает Гоголь, никогда не привлекали Чичикова. О служебной карьере он никогда и не мечтал. Служба его занимала лишь как средство обогащения. Восхищение Чичикова вызывали не люди, обладающие высоким саном, а люди, обладающие капиталом. Впервые в русской литературе с такой замечательной пластичностью предстала психология и философия денежного человека, «миллионщика».

Это был «новый» человек в России, вызывавший к себе величайший интерес и любопытство. Помещик вел полунатуральное хозяйство. Его закрома ломились от избытка хлеба и всего того, что производила земля, но он нуждался в деньгах. Вспомним, с каким остервенением торгуются с Чичиковым за каждую копейку самые «хозяйственные» помещики Коробочка и Собакевич. Нуждаются в деньгах и городские чиновники, размеры жалованья которых явно не соответствуют тому широкому образу жизни, к коему каждый из них стремится. Повсеместно распространены казнокрадство, взятки, поборы. Истинным хозяином жизни становится капитал. Без роду и племени, он бесцеремонно вторгся в светские гостиные и все более напористо оттеснял в различных областях общественной жизни дворянскую аристократию.

Вопрос о силе денег, обаянии миллиона серьезно тревожил русских писателей начала XIX века. Они подметили и характер человека, захваченного этим обаянием. Но это еще была фигура вроде пушкинского Германна, обманутого «пиковой дамой» и сошедшего с ума. В 1835 году Гоголь опубликовал первый вариант «Портрета», в котором тема денег приняла еще более фантастическую окраску и прямо была связана писателем с дьявольским наваждением. Ссылка на дьявола ничего не объясняла, и в 1841, как мы знаем, почти в одно время с «Мертвыми душами», Гоголь закончил кардинальную переработку повести. Фантастический элемент в значительной мере (не без влияния критики Белинского) был ослаблен и усилены реалистические мотивы. В этой редакции повести герой, захваченный жадой денег, кончает сумасшествием и гибелью. В «Мертвых душах» взят характер, для которого приобретательство — не внешняя страсть, ломающая талант и жизнь, а сама суть, постоянная жизнь этого характера.

Буржуазия в России формировалась как класс совсем не так отчетливо, как «третье сословие» во Франции. Гоголь не мог поэтому раскрыть социальную сущность подмеченного им явления. Но он понял, что на страну надвигается что-то темное и неотвратимое, и выразил это ощущение в поэме. В городе NN разнеслись слухи, что Чичиков — «миллионщик», и Гоголь по этому случаю делает очень важное замечание: «...в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, словом, на всех действует». Если уж одно это слово рождает «нежное расположение к подлости», то, стало быть, «миллион» шествует по стране и создает обстановку для зарождения и развития Чичиковых — людей, у которых стремление к миллиону становится их натурой, подлость — их характером. Так в структуре поэмы, рисующей Русь «с одного боку», появляется добавление о «подлеце». «Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!» — восклицает автор в заключительной главе первого тома, прежде чем перейти к рассказу о темном происхождении своего героя. Исследование характера «подлеца» идет у Гоголя по линии и морально-психологической и дополняется ссылками на личные качества Чичикова и обстоятельства воспитания и среды, развернутые в его биографии. Чичиков в совершенстве постиг «великую науку нравиться». На всех чиновников губернского города он произвел неотразимое впечатление. Причем каждый в нем открывал свое. Губернатору он показался человеком благонамеренным, прокурору — дельным, жандармскому полковнику — ученым, председателю палаты — почтенным, полицмейстеру — любезным и т. д. Даже Ноздрев, по своему особому расположению к Чичикову называвший его в лицо скотиной и подлецом, каким-то образом заключил, что тот «занят иногда учеными предметами», любит читать и обладает «сатирическим умом». Больше всех очарован Чичиковым прекраснодушный Манилов.

Любопытно было бы воссоздать портрет Чичикова по этим отзывам о нем — получился бы тот добродетельный человек, о котором сам Гоголь в главе о Чичикове писал, что «пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку», «потому что обратили в лошадь добродетельного человека».

Этот контраст между внешней видимостью характера и его истинной сущностью, несомненно, лежит в основе комизма образа Чичикова, его нравственно-психологического портрета. Именно так определял комическое Чернышевский: это «внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внешностью, имеющею притязание на содержание и реальное значение». Ничтожное стремится скрыть самое себя и имеет претензию казаться значительным. Эта претензия — всегда источник смешного. Смех Гоголя над Чичиковым полон иронии. Но не только в иронии сатирическая сущность этого образа. В представлении писателя Чичиков вовсе не мелкий жулик, оказавшийся необходимым для скрепления сюжета, а фигура самостоятельная и по-своему играющая историческую роль. Гоголь видел, как уже отмечалось, неукротимую энергию Чичиковых в их стремлении к капиталу, к «миллиону». Видел, что Чичиковы, стремясь к «миллиону», освобождаются от всего человеческого в себе и беспощадны к людям, ставшим на их пути. Видел, что их моральная бесчувственность и бездушие порождают полную аморальность их действий. В этом смысле Чичиков превосходит все догадки чиновников о нем. Если подвернется случай достичь миллиона деланьем фальшивых ассигнаций или разбоем (но только в «законных» формах), Чичиков не преминет этим воспользоваться. Идет же он (во втором томе) на подделку завещания! Видел Гоголь и все растущий размах «оборотов» Чичикова, начавшего с родительской полтины медью. Для всего этого, собственно, и написана последняя глава первого тома с биографией героя. Чичиков не успокоится, пока не завоюет миллион, а с ним и власть над миром «мертвых душ» — ту власть, которую он было уже почувствовал в городе NN, принявшем его за «миллионщика». В этом отношении интересным оказывается и сравнение Чичикова с Наполеоном, претендентом на мировое господство. <...>

<...> Низведение Наполеона до Чичикова подчеркивало эту мысль. С другой стороны, уподобление Чичикова Наполеону выражало размеры опасности, которую, по убеждению Гоголя, таила в себе для общества деятельность Чичиковых. При всей своей несхожести, разномасштабности оба они, Чичиков и Наполеон, в чем-то и очень похожи друг на друга.<...>

Итак, Чичиков обладает такими чертами характера, которых нет в людях поместной России, — энергией, волей. Чичиковы противопоставлены Маниловым и Плюшкиным. Но какие же социальные идеи и нравственные ценности утверждают они сами — эти хищники-стяжатели?

С гениальной художественной прозорливостью Гоголь показал не только разложение феодально-крепостнического строя, но и ту страшную угрозу, которую нес народу мир Чичиковых, мир капиталистического хищничества. Но где же та сила, которая принесет спасение России? Гоголь не видел ее и свои тревожные раздумья воплотил в поэтическом образе «птицы-тройки», которая несется неизвестно куда: «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ... Не дает ответа!» В «Мертвых душах» Гоголь отразил тревогу передовых сил русского общества за исторические судьбы своей страны и народа.

Образ Чичикова — громадное открытие Гоголя в русской литературе.

Писатель, несомненно, отдавал себе отчет в том, что одолеть Чичикова будет гораздо труднее, чем Наполеона. Наполеон один. Сила же Чичиковых в том, что их много, что чичиковщина проникла в души еще более широких кругов и что, наконец, еще шире круг людей, испытывающих «нежное расположение к подлости» при виде «миллионщика». И сила Чичиковых угрожает мир мертвой, нетрогающейся пошлости сменить миром воинствующей, возрастающей подлости. Мертвые души пошлого мира — расточители человеческого достоинства; они кончают «прорехой на человечестве» и бессмысленной

смертью. Чичиков, начиная с полного бездушия, с полного отречения от всего человеческого, совсем не склонен умирать, — он растет как «приобретатель, хозяин», растет безнаказанно, при явном одобрении его «приобретений» и при тайной зависти к его силе.

Горьким раздумьем заканчивает Гоголь свое исследование характера Чичикова. «А кто из нас, полный христианского смирения, — обращается он к читателям, — не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: “А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?” — Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: “Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!”» В этом раздумье суть, конечно, не в «христианском смирении» — к нему не апеллирует Гоголь. Он просто видит, что зараза чичиковщины широко проникает в общество и несет с собою полное истребление человечности в самом широком и глубоком смысле этого слова. Мир чичиковщины составляет поэтому самый низкий, самый пошлый круг Руси «с одного боку», им завершается первый том поэмы, охвативший все явления, заслужившие самое беспощадное сатирическое отрицание.